

Татьяна ДОРОНИНА:

«Играть любовь» может лишь тот, кто умеет любить

Мир за неделю.
1999 — 6 — 15 нояб.
с. 8

Лариса АЛИМАМЕДОВА
Труд. Подписной индекс 32428

Встреча была назначена на семнадцать ноль-ноль. При этом я была предупреждена: «В вашем распоряжении ровно час». Что ж, Дороница — деловая женщина, умеющая ценить время. Беседа наша проходила там, откуда моя собеседница уходит домой, только чтобы немного отдохнуть и снова вернуться сюда — в созданный ею МХАТ имени Горького.

— Татьяна Васильевна, для многих вы с одной стороны — воплощенная женственность, обольстительная и нежная... С другой — вы сильная личность, человек, умеющий брать на себя трудную «мужскую» работу. Вы-то сами довольны собой — такой, какой вас сотворил Бог и вы сами?

— Спасибо за добрые слова, но только глупые люди способны быть самодовольными. А что касается «мужской» и «женской» ролей, то я склонна полагать, что с учетом той ситуации, которая сложилась сегодня у нас в стране, где все разваливается и рушится, стабилизирующим началом является женщина, которая пытается удержать от краха и семью, и страну. Мужчины-то оказались несостоятельными во многих делах, за исключением, конечно, силовых структур. Что же касается лично моей «мужской» организаторской работы (полагаю, вы имеете в виду мою функцию художественного руководителя театра), то раз уж меня избрали, я стараюсь работать честно, в полную силу — такая, значит, мне выпала судьба.

— А вы верите в судьбу, в предназначение свыше? Считаете ли, что вам, как говорится, на роду было написано быть знаменитой и любимой — и как актрисе, и «просто» как женщине?

— Было бы просто смешно мне, девчонке из крестьянской семьи, не имеющей к театру ровным счетом никакого отношения, прогнозировать себе «звездное» будущее и ждать как должного подарков судьбы...

— Вы — из крестьянской семьи? Вот уж чего не скажешь, глядя на вас. В Татьяне Дорониной чувствуется порода...

— Да — крестьянская, крепче которой, наверное, ничего нет. И мой, как вы сказали, сильный характер, кстати, тоже откуда — от земли, от народа. Вообще все хоро-

Фото ИТАР-ТАСС

шее, что есть во мне, — от моих крестьянских корней, а все плохое в моем характере — это издержки города.

— То, что вы — сильная личность, подтверждают и ваши знаменитые мужья — Эдвард Радзинский, Олег Басилашвили, Борис Химичев...

— Оставьте, пожалуйста, моих знаменитых мужей в покое. Свою личную жизнь я хочу оставить для себя. Это моя жизнь, и она ни в коем случае не для всеобщего обозрения.

— Ваша «закрытость» в этом вопросе известна и вызывает уважение. Что ж, давайте говорить на другие темы. Недавно в вашем театре состоялась премьера спектакля «Одна любовь души моей» — по двум пушкинским произведениям — «Полтава» и «Анджело». Чем продиктован ваш выбор? Ну «Полтава» — понятно, но «Анджело» — не самое известное из пушкинского наследия. Что вас тут привлекло?

— Для меня Пушкин — не просто и не только поэт, а олицетворение духовного начала России. Историк, философ, поэт — он являет собой высший знак духовности нашего народа. Поэтому соразмерять Пушкина с другими невозможно. И если говорить о воспитании любви к родине и о защите ее от всего тлетворного, то нужно начинать именно с Александра Сергеевича.

Вот вы сказали: «Полтава» — это понятно. А вы можете понять, почему эту поэму, написанную как драма — с потрясающими диалогами и сильными страстями, на сцене не ставил никто? А ведь по своей теме «Полтава» актуальна для нас во все времена, и в особенности се-

годня, когда сильны пагубные идеи сепаратизма и когда возникает необходимость защиты страны. Два полуса — предатель Мазепа и создатель Петр-государь, который хочет единства и силы и создает великую сильную державу.

А «Анджело» между прочим — вещь, которую сам Пушкин считал своим лучшим драматическим произведением. Какой благодарный материал для режиссера! И не странно ли, что это потрясающее произведение, написанное великолепным стихом, с такими яркими, правдивыми и точными характерами тоже нигде не ставят?

Ведь если, скажем, «Борис Годунов» имеет целый ряд сценических воплощений, начиная еще с дореволюционного театра, а образ самозванца считается одним из самых выгодных для артиста, то здесь «оглянуться» было не на кого. В этом смысле работать было очень интересно.

— Видимо, вам всегда «везло» на интересную работу — и в театре, и в кино. Например, в одном из первых ваших фильмов «Старшая сестра», в котором вы сразу запомнились и полюбили зрители, вы с потрясающей искренностью произнесли знаменитый монолог Белинского — «Любите ли вы театр?..» Думаю, что тут вам не надо было «играть». Не так ли?

— Да, театр — это моя жизнь. Здесь я сложилась как актриса, как личность. Здесь произошли главные встречи моей жизни, оставившие в ней неизгладимый след. Бог послал мне великих режиссеров и потрясающих партнеров. Первое имя в этом ряду — Георгий Александрович Товстоногов. Желание соответствовать его высочайшим требованиям, его интереснейшим, всегда современно звучащим решениям осталось со мной, как говорится, на всю оставшуюся жизнь. Он поставил меня рядом с партнерами, играть с которыми было великой честью, с самыми гениальными актерами страны — Смоктуновским, Лужским, Лебедевым, Борисовым, Копеляном, Стрельчиком, Басилашвили. В этом соединении великого режиссера и великих партнеров и была самая серьезная моя школа, можно даже сказать — мой театральный университет.

— Всегда найдется определенный процент зрителей, которые не принимают ту или иную актерскую индивидуальность. Считаете ли вы, что то же самое можно сказать и о вас?..

— Исключений тут не бывает. Даже Алла Константиновна Тарасова — внеконкурсная героиня МХАТа, настоящая театральная богиня с темпераментом и потрясающей красотой — и та не всеми безоговорочно принималась. Поэтому было бы странно считать все, что я делаю на сцене и в кино, безупречным. У меня есть довольно большой процент зрителей, которые принимают меня и чувствуют мое актерское «я». Но есть и другие, для которых это чуждо, непонятно. Просто по своей импульсивности и по темпераменту они — люди другого плана, и к этому надо относиться здраво.

— А есть ли у вас тоска по несыгранным ролям?

— Да, многие из них уже невозможны: время ушло. Например, во МХАТ меня приглашали на Анну Каренину, но сыграть ее так и не довелось, хотя очень хотелось. Еще я мечтала сыграть Катюшу Маслову. Андрей Гончаров, когда звал меня в свой театр, обещал дать роль мадам Бовари, но не сдержал слово. А теперь уже поздно — эти роли мне уже не сыграть в силу возраста. В жизни всегда много потерь, много того, что уже нельзя вернуть...

— Об этом можно горько сожалеть, но винить себя вы не можете — так сложилось. А были ли у вас в жизни ошибки, которые вы допустили и о которых теперь сожалаете?

— Конечно, и очень много. Самая большая и непростительная — переезд в Москву. Нельзя было уходить из лидирующего (по сути, а не по «статусу») театра. Это было глупостью, ошибкой, за которую мне пришлось платить в течение долгих лет. Аполлон этого не прощает — он слишком ревнив.

— Но ведь здесь, в Москве, вы обрели еще большую популярность, здесь у вас — собственный театр...

— Давайте уточним: у нас (а не у меня) — Московский художественный театр имени Горького.

— Последний вопрос — «еще раз про любовь». И на сцене, и в кино вы так органично, так правдиво «играете любовь», так тонко передаете все ее нюансы, что невольно думаешь: это и есть ваша натура — не только актрисы Дорониной, но и женщины с пушкинским именем — Татьяна. Что вы скажете?

— Только одно: правдиво «играть любовь» может лишь тот, кто сам умеет любить.